

Тема «Внешняя политика – цель или средство» чрезвычайно интересна для меня возможностью высказать некоторые соображения о тенденциях во внешнеполитическом процессе как России, так и целого ряда государств.

Заявленная в теме оппозиция цели и средства не является оппозицией в полном смысле. Скорее цель и средство представляют собой диалектическое единство, являются основанием единой мыслительной парадигмы.

Впервые этот образ мышления описал еще Д. Юм, когда показал, что мышление человека о политике и ряде других сфер заключено между двумя полюсами, которые представляют вопросы «Что есть?» и «Что должно быть?». Так, мышление о внешней политике в логике целей в первую очередь является мышлением вокруг вопроса «Что должно быть (сделано, изменено и т.п. во внешнеполитической области)?». А мышление в терминах средств соответствует мышлению вокруг вопроса «Что есть (инструменты, ресурсы, информация и т.д.)?».

Безусловно, едва ли можно обнаружить актора, который в понимании внешней политики был бы приверженцем строго одного вопроса. Любое понимание внешней политики будет представлять собой балансировку между двумя обозначенными полюсами-вопросами с превалированием одного из двух.

Абстрагировавшись от теоретического уровня, можно заметить, что данный дуализм вполне присущ и экспертным кругам. Так большинство экспертов мыслят о внешней политике в парадигме, заключенной между двумя полюсами: ценностями (различными политико-идеологическими, этическими установками) и фактами (представления о ресурсах, намерениях, возможностях и пр.).

Эта дуалистическая парадигма очевидна и на уровне практической внешней политики. Она заключается в поиске баланса между принципами, которые можно обозначить как эффективность vs. справедливость (или

ответственность). Акторами, среди которых большинство великих держав, полагается, что возможно найти некий идеальный баланс, характеризуемый оптимальным взаимным увязыванием этих принципов. И внешнеполитические действия будут эффективны, потому что будут справедливы, и справедливы, потому что эффективны.

Это заблуждение, от которого предостерегал Юм, поскольку такой баланс недостижим. На практике это заблуждение оборачивается неизбежным креном в один из принципов (сегодня – в эффективность) в результате чего внешняя политика становится не целью или средством, а проблемой или неудобной формальностью.

Так, актуально формулирование взгляда на внешнюю политику за пределами рамок вопросов «Что есть?» и «Что должно быть?» через уточнение сути внешней политики.

Предлагается семантический или эстетико-философский взгляд на внешнюю политику. То есть, как на текст или череду высказываний, артикуляцию государством своего суверенитета в диалогах с другими государствами. И внешнюю политику как семантическую практику следует понимать как опыт, и как таковой он может быть исчерпывающе проанализирован не в политико-административных и не в этико-идеологических категориях, а в эстетико-философских категориях и терминах.

Более того, Левиафан Гоббса, созданный не в последнюю очередь для защиты народа от внешней опасности, способен проявить себя не как абстракция, плод восприятия гражданами, не как комплекс разрозненных корпораций и институтов, а именно как государство в полном смысле этого слова, как наделенный единой волей суверен, как некое entity именно манифестируя, артикулируя свой суверенитет другим государствам.

Такое максимальное проявление государства как государства именно во внешнеполитической деятельности позволяет утверждать, что внешняя политика, рассматриваемая не как набор чередующихся целей и средств, а как непрерывный внешнеполитический опыт, является краеугольным камнем опыта государственности любого политического образования. А опыт государственности, память, представление о себе как о государстве является квинтэссенцией любого государства.

Возвращаясь к поставленному в теме вопросу, утверждается, что внешняя политика как опыт предельной государственности является безусловно целью и важнейшей ценностью любого государства, поскольку первейшая цель государства — это максимально долгое существование в форме устойчивой и признаваемой государственности.